

ИЗЪ КОКШЕНЬСКИХЪ ПРЕДАНІЙ¹⁾.

II. Чудь, литва, паны.

Кромѣ приведенныхъ мною преданій о чуди преимущественно Верховскаго, Озерецкаго и Сняскаго приходоѡ, и старался уловить все, что говорилось о ней и въ другихъ приходахъ Кокшеньги. Больше или меньше цѣльныхъ и связанныхъ разсказовъ записать не удалось, такъ какъ ихъ уже въ настоящее время, быть можетъ, и нѣтъ, можетъ также быть, что просто не пришлось натолкнуться на хорошаго разсказчика, а тѣ, иногда весьма почтенные и умные старцы, съ которыми удавалось побесѣдовать объ этомъ, старались передавать слышанное ими чаще только въ общихъ фразахъ.

Приходилось наталкиваться на рѣшительныя опроверженія однимъ того, что разсказывалось въ данной мѣстности другими.

Такъ, напримѣръ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ крестьянъ въ Озерецкомъ приходѣ я обратился къ 74-лѣтнему старику изъ деревни Часовенскѣй Семену Одинцову, какъ несомнѣнно знающему старику, и онъ говоритъ, что ничего здѣсь не слышно ни о чуди, ни о литвѣ, ни о панахъ, а если что и говорятъ, такъ врутъ все. Онъ отрицаетъ чудское происхождение ямъ у деревни Рички, объясняя простымъ недоразумѣніемъ разсказъ о томъ, что будто-бы здѣсь чудь погибла. „Живу“, говоритъ Одинцовъ, „здѣсь на Пустошѣ (название деревни), лѣтъ 60 тому назадъ билецъ, Петрушка-Пантюшка звали, писау квиги, сны Богородицы, списки... А бѣжау-то онъ чуть-ли не изъ военной службы. Дакъ когда стали ловить его, то онъ какъ-то туда, у Рички-то, въ яму и заскочилъ; а яма-та была, надо быть, погребная... Про это, навѣрно, и врутъ кое-что“.

Между тѣмъ, приведенное раньше преданіе о чуди все-таки держится и разсказывается другими здѣшними старожилами. Слѣдуетъ упомянуть, что С. К. Одинцовъ воспитывался когда-то „мальчикомъ“ въ удѣльной сельско-хозяйственной школѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ Шебенъскомъ приходѣ крестьянинъ деревни Югры Ив. Ѳ. Ждановъ, мужикъ довольно развитой и хорошо осведомленный, охотно дѣлился своими свѣдѣніями о старинѣ. Отъ него я узналъ, что здѣсь бывали, будто бы, литва и паны, но подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о нихъ не слышать. Что касается чуди, то въ той же деревнѣ

¹⁾ См. „Жив. Старина“, 1906 г., вым. I и II.

Югрѣ были указаны имѣ 6 домовъ, жителей которыхъ „покликають чудью“. Можно ли думать, что они принадлежать къ потомкамъ чуди, объ этомъ, по словамъ Ж—ова, трудно сказать что-нибудь определенное, тѣмъ болѣе, что по внѣшности они не отличаются отъ остальныхъ жителей Югры. Однако, несомнѣнно, что дома эти, построенные на самомъ лучшемъ мѣстѣ, у берега рѣчки, являются наиболѣе ранними въ деревнѣ Югрѣ.

Въ Шведеницкомъ приходѣ можно слышать почти такіе же рассказы о защитѣ Городка отъ чуди, какіе рассказываются о защитѣ Никольскаго городища въ Спасскомъ приходѣ. Однимъ рассказчикомъ извѣстно: имя литвы, наряду съ названіемъ чудь; другіе вовсе о литвѣ не слыхали, хотя о чуди рассказываютъ. Въ одномъ изъ рассказовъ о чуди, слышанномъ мною отъ кр. дер. Игумповской, Ф. В. Зыкова, встрѣчается, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Когда чудь подѣ Тарноской городокъ подходила, такъ копали канавы изъ Тарноги въ Кокшеньгу и пускали воду: чудь воды боялась“. Вѣроятно это одна изъ попытокъ объяснить—какимъ образомъ такой незначительной (особенно, если судить по виду ихъ въ настоящее время, послѣ многолѣтняго осмынанія и заростанія) величины канавы могли служить сколько-нибудь надежнымъ средствомъ защиты отъ нападенія на городокъ.

Тотъ же крестьянинъ на вопросъ о панахъ, отвѣчалъ: „Да, прежь издали паны и наказывали народъ. Гопорили (тогда): панъ придетъ такъ всѣхъ расхлещетъ“. Кто они такіе, почему такими правами (или силой) пользовались,—объ этомъ ничего определеннаго добиться было нельзя. Вотъ про это, що разѣзжал-то да наказывали—говорится, а про другое-то не слыхать. Можетъ, кто и знаетъ, а намъ неизвѣстно“.

Крестьяне деревни Новгородовской, той же волости, также слыхали о панахъ, но не имѣютъ какихъ-либо ясныхъ и подробныхъ свѣдѣній. О литвѣ не слыхали вовсе. О чуди рассказываютъ, что она погибла въ Смияковскомъ озерѣ, въ Ромашевскомъ приходѣ; крестьянъ деревни Дубровы, Шведеницкой вол., носящихъ фамилію Сивинныхъ и Щекиныхъ, считаютъ потомками чуди, увѣряя, что они „чудсково роду“. Нѣкоторые слыхали, что въ Ваймежѣ подѣ деревней Климовымъ у рѣки Уфюги въ т. наз. Климогорскомъ озерѣ находятъ бревна отъ построекъ, что, будто бы, эти бревна остались отъ того времени, когда русскіе расселились въ этой мѣстности; они (русскіе) долго не могли построить себѣ жилищъ: что за дѣнь успѣють срубить—да построить, то ночью чудь растаскивала и топила въ озерѣ.

Къ тому, что было мною сообщено по этому предмету, въ моей выше указанной запискѣ, но рассказамъ крестьянъ Спасской волости,—могу привести вновь записанныя данныя, полученные здѣсь же отъ новыхъ лицъ. Въ особенности интересны рассказы кр. дер. Костенской, М. Д. Третьякова, который обладаетъ большимъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній изъ области мѣстныхъ преданій и сказаній, сложившихся у него въ особаго рода цѣльное историческое повѣствованіе. Большую часть того, что ему извѣстно, онъ слышалъ отъ старожилъ Федора Ламровича и Катерины Ивановны, жившей около

Свою повѣсть М. Д. Третьяковъ начинаетъ обыкновенно такъ: „У насъ прежде было все княжество, въ каждой губерніи былъ (свой) князь, а царя не было. Нашъ князь у Архангельскаго князя выкопалъ глаза. Онѣ (т. е. архангельскіе) не стерпили и пошла битва къ намъ на Кокшеньгу; онѣ много у насъ кое-какихъ мѣстовъ и городишковъ роззорили. Этта (здѣсь) у Микола (Никольскій погостъ, городище) былъ у насъ Николаевской городъ, а пригородокъ—у Богородской церкви, гдѣ нынѣ Городище.¹⁾ Мѣста эти они всѣ призорили. У насъ съѣзжались сюда купцы отъ Архангельскаго (т. е. гор. Архангельска), изъ Устюга и изъ Вологды... А топерь было все пусто (т. е. со времени разоренія). Онѣ (архангельскіе) стояли здѣсь три года...“ Очевидно, это одинъ изъ отголосковъ преданія о разореніи Кокшеньги во времена усобицы московскихъ и галицкихъ князей, съ эпизодомъ ослѣпленія Василія II-го²⁾.

Но въ этому же преданію въ разсказѣ М. Д. Т. тѣсно примыкаетъ и переплетается съ нимъ преданіе о литвѣ и чуди (что, по словамъ его, одно и то же), а также—о пажахъ. Разсказывая о нашествіи „архангельскаго князя“ и о разореніи, имъ производимомъ, М. Д. Т. послѣ словъ „онѣ не стерпили и пошла битва“ добавляетъ: „съ ту сторону и пошли эта литва-та и стали драться“. Выходитъ, что литва какъ будто бы приходила съ архангельскимъ княземъ. Однако, въ другой записи со словъ того же разсказчика (имѣется три записи его разсказа сдѣланныя въ разное время). О литвѣ (или „чуди“) въ этомъ мѣстѣ вовсе не упоминается. Можно думать, что и разореніе во времена княжескихъ усобицъ и разореніе нашествіемъ литовскихъ швекъ смутнаго времени³⁾ оставили одинаково печальный и сильный слѣдъ въ Кокшеньгѣ и подчасъ невольно отождествляются разсказчикомъ. Что же касается возможности появленія литвы съ пизу, отъ Архангельска, то вѣроятность этого можетъ быть подтверждена указаніями Двинской лѣтописи, въ которой упоминается о появленіи на Двинѣ до 2.000 человекъ поляковъ литовцевъ, которые поднимались и на Вагу, притокомъ которой (черезъ р. Устю) является Кокшеньга.

Затронувъ преданіе о литвѣ (или чуди, что, по его мнѣнію, одно и то же), онъ передаетъ въ общихъ чертахъ тѣ же свѣдѣнія объ осадѣ Никольскаго городища, о какихъ мною сообщалось изъ другихъ преданій, но и съ значительными и своеобразными особенностями и нѣкоторыми интересными подробностями. Онъ говоритъ, что „литва стреляла изъ зыкосьсково поля къ Николѣ, а потомъ я туда подходила“, что „тамъ защищались изъ-за деревянной стѣны, которую тогда же и сожгли, и церковь Оеонасеевская (во имя св. Анастасія), которая стояла, гдѣ топерь ц. Микола, тоже была сожжена; вотъ тогда-то и вознесли эту батарею изъ земли⁴⁾“; спачала-

¹⁾ См. упоминаніе объ этомъ въ моей ст. „Кокшеньгская старина“ въ Запискахъ Имп. Р. Арх. Общ. за 1906 г.

²⁾ О походѣ В. Кн. на Кокшеньгу во время этой усобицы имѣются указанія въ исторіи Карамзина, по сѣвернымъ лѣтописцамъ.

³⁾ См. упоминаніе объ этомъ въ „Описаніи Кокшеньги“ В. Т. Попова, Вологда, 1867 г.

⁴⁾ См. ст. „Кокшеньгская Старина“.

то она была саженъ пятадцать вышиною. Тутъ были камни и кирпичи, которыми и воевались; были тутъ и бревна подвѣшены на пагилахъ: эти бревна опускали, когда воевались; а бревна были матерья и заминало человекъ по пятадцати и по двадцати¹⁾.

Конецъ разсказа М. Д. Т. совершенно особенный:

„Литва нѣла пристанище у Кокрякова озера и ручья (почти противъ Спасскаго погоста) и онѣ ходили къ ночамъ (во время осады Никольскаго городища?) все туда. Надъ ричкой надъ Кокряковымъ былъ на уторѣ гладкой камень; на емъ онѣ хлѣбовали и въ карты играли. Этотъ камень нынѣ не давно мужикъ подкопалъ и свалилъ: думалъ—кладъ есть. На камнѣ три зарубы; одна на Преображенъе (т. е. въ направленіи Спасо-Преображенской церкви).

Сколько тамъ ихъ было—не извѣстно.

Главныхъ ихъ начальниковъ убили. Наши мужики собрались съ шести полостей и пришли къ Кокрякову. Напередъ у нашихъ-то шли большознающіе (т. е. вѣщунъ, знахари, колдунъ); это были паны, онѣ вѣдъ наши и правили нашими; ихъ звали Яганъ, Пеганъ, Поляница и Хайдукъ. Литва-та въ это время отдыхала: вотъ она варить кашу, обѣдать хотять. Ихней атаманъ и говоритъ: „ну, ребята, севодни на кашѣ кровь кипитъ,—не ладно будетъ, не къ добру это“. Всѣ изумились, не знають, что дѣлать. Вотъ когда тутъ пришли наши-те со своими атаманами, и стали драться. Первое дѣло, ихъ атаманъ розстегиваетъ грудь и говоритъ: „стрилейте!“ Нашъ стрилилъ и тутъ его и застрилилъ. Была заряжена-то пуговица серебряная (противъ серебра-то не заговоришь)¹⁾; пуговица скрозь его пролигла. Онъ упалъ. Другого поймали, стали рубить топоромъ. Топоръ не беретъ: онъ заговорился. Наши и говорятъ: „Не ладно рубите! Возьмите трою въ землю топоромъ ударьте наотмашъ, а потомъ и по шеѣ, тоже наотмашъ“. Тому голову отрубили. Третьей побѣжалъ на убѣгъ. Онъ бѣжалъ, не много не мало, три версты. И кидалъ серебро горстями, чтобы народъ остановился. Достигли (т. е. догнали) его противъ (подъ) деревни Костенской. Тутъ и поймали и голову отснкли. На томъ мѣстѣ была камешца (груда камней) и до нынѣ.

Остальные приметались въ озеро Кокряково. И нынѣ кровяные косы ходять по озеру въ непогоду.

Дьяконъ Боскаревъ видѣлъ кость на берегу озера: приподымитсе да и сосвищеть—значить, хочеть похоронитсе. И видѣлъ тоже такую кость¹⁾.

Всякій разъ, когда переспрашивали М. Д. Т.—она о панахъ, дѣйствительно имъ это наши.—онъ съ увѣренностью повторялъ: „Паны это наши, а литва, чудь-та, поднялась отъ Архангельсково“. Однако, не смотря на увѣренность старика, въ его разсказѣ о нашествіи „архангельсково“ князя и литвы заключается наслоение не одного преданія, а нѣсколькихъ о разновременныхъ событіяхъ. Общее убѣжденіе относительно пановъ, которое пришлось много разъ слышать мѣѣ отъ другихъ—крестьянъ, что они приходили въ

¹⁾ Принимается за несомнѣнное, что атаманъ литвы былъ заговорщикъ; за серебро заговори не дѣйствуютъ.

Кокшеньгу откуда-то и наводили страх на жителей своими грабежами и насилиемъ, стоитъ въ согласіи съ преданіемъ, приводимымъ мною раньше, съ чѣмъ, какъ нельзя лучше, согласовались бы и тѣ имена, которыми, по словамъ М. Д. Т., назывались ихъ „большознающіе“, атаманъ: Яганъ, Поленця (Палыница), Хайдукъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, вспоминая о старинѣ и разсказывая между прочимъ, о маленькихъ „волоковыхъ“ окошечкахъ въ домахъ, объясняютъ необходимость устройства такихъ оконъ тѣмъ, что „тогда боялись пановъ и отъ нихъ укрывались.“¹⁾

Одинъ изъ любителей преданій о старинѣ, крестьянинъ Вл. М. Поповъ, челоѣкъ развитой и много читавшій, пановъ называетъ, прямо поляками, приводя косвенное тому доказательство, основанное на значеніи очень распространенныхъ въ Кокшеньгѣ словъ: пановать, паць, распановаться. Эти слова употребляются тогда, когда хотять обозначить какое-нибудь безчинство, самоуправство, выходку, соединенныя съ задоромъ, чванствомъ, напускной важностью и дешевымъ удалствомъ, что отвѣчало бы характеру поляковъ больше, чѣмъ кого-либо другого. Мнѣ думается, что этотъ оригинальный доводъ имѣеть за собой реальное значеніе.

Тому же Вл. М. П.—у удалось слышать такой вариантъ преданія о панахъ: „Когда они стояли подъ Николой (т. е. осаждали Никольское городище), то (дѣлая набѣги на окружающія деревни) дошли разъ до деревни Мадовицы; а въ Мадовицахъ по угородамъ повѣшены были на коляхъ снопы конопли. Имъ показалось, что это выступило много народу противъ нихъ и поворотили назадъ опять подъ Девятую (т. е. подъ Николу: церкви (и городище) носитъ двойное названіе по имени двухъ святыхъ, въ честь которыхъ она освящена: Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы (Девятой)). Въ другой разъ оттуда уже не подходили къ Мадовицамъ, да скоро онѣ послѣ этого и погибли. Ихъ атаманъ будто бы сошелъ съ ума и сталъ кричать: „смотрите-ко, ребята, сѣдтой-отъ старикъ“²⁾ кругъ шатра (шейка купола) у церкви издять на лошадей и мнѣ грозить... Не застрашаешь меня!“ Послѣ того забѣгалъ этотъ атаманъ съ мечемъ да въ озерѣ и утопалъ... А паны-те варили кашу да вмѣсто пѣны-то кровь косами заходила: онѣ и узнали, что гибель скоро приходитъ. Тутъ, сколько денегъ, богатства ихъ было,—все въ котель склади и утопили въ Городишномъ озерѣ; а надъ котломъ поставили плотъ изъ слегъ (длинныхъ бревень), на плотъ наносили земли да и плотъ на котель утопили. А потомъ и сами въ этомъ же озерѣ уходились“.

Мнѣ самому не разъ приходилось слышать о богатствахъ, затопленныхъ въ этомъ озерѣ. А однажды во время охоты на утокъ сопровождавшій меня крестьянинъ одной изъ близъ лежащихъ де-

¹⁾ Впрочемъ, въ ст. К. Попова „Колонизація „Заволочья и обрусѣніе заволошской чуда“, помѣщ. въ №№ 2 и 3 „Бесѣды“ за 1872 г., упоминается также, что названіе „паны“ въ Вельскомъ уѣздѣ употребляется для обозначенія особой категоріи мѣстныхъ крестьянъ, а не въ обычномъ смыслѣ—наз. остатковъ польско-литовскихъ шаекъ смутной эпохи.

²⁾ Разумѣется Св. Николай Чудотворецъ, хотя и „странно, что онъ на конѣ“.

ревень забрелъ съ одного берега въ озеро съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ и, подойдя къ предполагаемому мѣсту затопленія плота, ткнулъ шестомъ въ дно, и дѣйствительно во многихъ мѣстахъ былъ слышенъ глухой стукъ ударовъ, какъ будто о деревянный помостъ; между тѣмъ заростающее торфяное озеро-старипа имѣло въ другихъ мѣстахъ только илистое вязкое дно. Мѣсто предполагаемаго плота находится противъ наиболѣе отлогого спуска съ городища, и весьма возможно, что черезъ старое русло рѣки, отъ которой остались теперь эти озера-старипы, былъ дѣйствительно когда-то перекинутъ бревенчатый плывучій мостъ: или стоялъ плотъ, на которомъ переѣзжали, а потомъ отъ набуханія на водѣ погрузился на дно. Однако, противъ подобнаго рода догадки всегда найдется, что возразить, и настаивать на такомъ объясненіи не приходится.

Любопытно, что подробность вышеприведеннаго преданія о сѣдатомъ старикѣ встрѣчается и въ преданіяхъ о защитѣ Тарногскаго городка отъ чуди.

Исчерпавъ болѣе или менѣе то, что удалось уловить мнѣ изъ широкаго, но зыбкаго источника народной памяти, въ области интересующаго меня въ данную минуту вопроса, я долженъ придти къ одному скромному выводу, что всего приведеннаго еще недостаточно для какихъ-либо вполне опредѣленныхъ заключеній; но тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую противорѣчивость отдѣльных мѣстъ преданій, въ нихъ заключаются указанія, вполне гармонирующія съ летописными сказаніями о Кокшеньгѣ и до нѣкоторой степени рисующія картину историческихъ условій быта и развитія мѣстнаго населенія. Въ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно важное значеніе имѣетъ еще и то обстоятельство, что въ Кокшеньгу съ разныхъ сторонъ притекали бѣглецы, укрывавшіеся отъ разныхъ преслѣдованій, не рѣдко составлявшіе значительныя шайки, занимавшіяся разбоемъ и грабежомъ и не скоро переходившія къ мирному образу жизни. О разбойничьихъ шайкахъ, ихъ атаманахъ и походеніяхъ ихъ тоже не мало сохранилось разсказовъ въ народѣ. Часть этихъ преданій я и привожу въ слѣдующей главѣ.

III. Розбой (разбойники).

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ между прочимъ о томъ, что преданія кр. М. Д. Третьякова сложились въ установившійся опредѣленный циклъ. Послѣ разсказа о нашествіи „архангельскаго“ князя и литвы, онъ продолжается:

„Послѣ этой поры жили много времени и наступилъ розбой. Ходилъ онъ шайками, по 40 человекъ. Розбой богатыхъ мужиковъ грабилъ и рѣзалъ. У насъ былъ въ Мадовицахъ богатой мужикъ, Бирюкъ звали. Его захватили въ Преображенской церкви. Изъ церкви утащили на рѣку и замучили. У нихъ фатера (квартира, мѣсто стоянки) была на Коленгѣ по ричкѣ Пестову (притокъ Ко-

деньги); тутъ была земляная изба. Онѣ много кое-чего нагрудили около той избышки. У этой мѣстности ничего теперь, наверху нѣтъ. Только одинъ мужикъ, Устинъ ¹⁾ съ Ростова изъ деревни Починна, нашелъ 1 1/2 пуда свинцу, а больше ничего не могли добратъсе, а добрались все сабли Александра Невскаго. Она есть тутъ на самомъ дѣлѣ, да не многіе знаютъ про это,—кто слыхалъ отъ прежнихъ людей.

Разбой сталъ много праказу дѣлать (проказничать). Онѣ грозится на Гусиху (одна изъ самыхъ большихъ деревень въ Коленегѣ): надо, говорить, ограбить. Гусишана узнали объ этомъ и собрали народъ съ шести волостей. Народъ былъ въ гумнахъ и домахъ спрятанъ. Разбой пришелъ. Былъ Проня на Гусихѣ, который зналъ заговоръ, и заговорился, что его не брала пуля. У разбойниковъ былъ тоже заговорщикъ. Онѣ заговорился, и его тоже не брала пуля. У Прокопья (Проня) была „середка“ (средняя часть дома) розломана до переводъ (балки подъ крышей). Былъ еще дымникъ (деревянный, об. довольно широкій, дымоходъ). Проня улизъ въ этотъ дымникъ. У ихъ былъ уговоръ: пока Проня не стукнетъ изъ оружія—народу не выкрыватисе; а какъ учуютъ стукъ, дакъ народу вдругъ хлынуть на разбойниковъ. Какъ приходитъ этотъ разбой, до Гусихи атаманъ и говорить: „топерь Гусиха соготала (т. е. пропала) и Проня попалъ!“ Идетъ этотъ атаманъ по переводамъ у (дома) Прони. Проня—ничего другою—изъ дымника выстрѣлилъ изъ оружія серебряной пуговицей; атаманъ съ переводовъ упалъ, а народъ услыхалъ этотъ стукъ и со всѣхъ сторонъ содвинулись. Разбой испугался и сейчасъ къ озеру, и приметались въ озеро; тамъ и рѣшился (погибъ), всего 40 человекъ“.

Въ этомъ разказѣ перемишаны, видимо, два преданія: то, что связано съ кладами и становищемъ на Коленегѣ (городище при ручьѣ Городихѣ и почти противъ впаденія р. Пестона въ Коленегу), судя по разказамъ многихъ другихъ крестьянъ, относится къ болѣе отдаленному времени и обыкновенно въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ называетъ пановъ или литву; второе, гдѣ говорится о Бирюжѣ, судя по распространенности и общеизвѣстности, а также по упоминанію о Преображенской (деревянной, существующей и въ настоящее время) церкви, является болѣе позднимъ.

Самъ Третьяковъ дальше говорить, что „разбой былъ не особенно давно: еще тетка Катерина помнить то время, а она умерла годовъ 50 тому назадъ (жила около 110 лѣтъ)“. Разумѣется, вполне возможно, что на Коленегѣ у Городихи могли имѣть становище цѣлый рядъ шаекъ, смѣнявшихъ другъ друга разновременно.

Подъ деревней Гусихой находится довольно глубокое озеро, проѣзжая мимо котораго много разъ, я очень часто слыхалъ отъ ямщиковъ о гибели въ немъ разбоя и чуть ли даже не пановъ.

Въ деревнѣ Мадовицахъ живутъ и въ настоящее время прямые потомки Бирюка; одинъ изъ нихъ, весьма пожилой крестьянинъ, разказывалъ эту исторію примѣрно въ томъ же родѣ, съ нѣкоторыми подробностями:

¹⁾ У котораго хранились записи на кладъ по р. Коленегѣ; копію одну изъ нихъ, датированную 1839 г. я видѣлъ у одного изъ Спасской волости.

Бирюкъ былъ матэрой человѣкъ, страсть! и очень богатой... Будто бы разъ ударилъ онъ казака (т. е. работника), а тотъ въ разбоѣ ходилъ и сказалъ: „помни,—каковъ нибудь да я буду!“ Потому убѣжалъ, созвалъ сорокъ человѣкъ разбойниковъ: вывели Бирюка изъ Преображенской церкви съ крыласа и привели домой; требовали денегъ. А денегъ то у него будто были клады. Бирюка сожгли живого, подъ горой у рѣки, а о деньгахъ такъ ничего и не узнали. Кладъ-отъ въ нашемъ домѣ будто есть отъ него, да какъ его достанешь:“

Разбойники обыкновенно имѣли пристанища среди лѣсовъ и болотъ, въ мѣстахъ мало доступныхъ, и оттуда дѣлали набѣги и грабежи. Указывается цѣлый рядъ мѣстъ, въ которыхъ были ихъ становища или оставлены клады; существуютъ урочища, какъ напр. по р. Западной Поцѣ съ названіями „Разбойное“: сохранились имена нѣкоторыхъ ихъ атамановъ. Ихъ клады, заключающіе, какъ то сказывалось въ нѣкоторыхъ записяхъ, несмѣтные богатства, привлекали многихъ искателей счастья даже на отдаленныя, трудно доступныя болотныя рѣлки (островки), служившія когда-то надежнымъ убѣжищемъ разбойниковъ. Въ Шевденицахъ болѣе всего известна въ этомъ отношеніи „Кладовая“ рѣлка (о которой я уже въ своемъ мѣстѣ упоминалъ), въ болотахъ по рч. Лайбуу, связанная съ именемъ разбойничьяго атамана Росадки, будто-бы по имени котораго называется одна изъ деревень: Росадина.

Бывавшіе на этой рѣлкѣ раньше, рассказывали, между прочимъ, о какихъ-то бревнахъ, служившихъ, по предположенію, для перетововъ разбойникамъ на рѣлку, и обитыхъ мѣстами мѣдью. Теперь таковыхъ говорить, не видно.

Подобная рѣлка существуетъ на Болванскомъ болотѣ, въ 20 верстахъ отъ Спасской церкви, внизъ по правому берегу р. Кокшеньги. Мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми изъ побывавшихъ здѣсь крестьянъ. Они рассказываютъ, о точныхъ примѣтахъ, перечисленныхъ въ записи объ этомъ кладѣ, и вполне отвѣчающихъ имъ въ дѣйствительности, рассказываютъ о камнѣ, покрытомъ, какъ будто бы надписью: о ямѣ, въ которой долженъ лежать кладъ, прикрытый съ верху толстыми слоями угля, камней и золы. Угля и камней выгребали они большое количество, но до клада не добрались.

Повсюду рассказывается о шайкахъ разбойниковъ въ сорокъ человѣкъ и о почти внезапной ихъ гибели. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ на убѣжище ихъ указывается на очень маленькія одиночныя земляныя избушки, а съ другой стороны, изъ преданій о Бирюкѣ, Росадкѣ и под. выходитъ, что какъ будто бы этотъ разбой имѣлъ своихъ представителей и по деревнямъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что такіе-то дома или жители чуть не цѣлой деревни „разбойничьяго рода“. А лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ разбой происходили частенько на всѣхъ сколько-нибудь длинныхъ лѣсныхъ волокахъ, по дорогамъ; и тутъ ужъ приходилось слышать прямымъ подозрѣніемъ, что это не дальніе разбойники, а свои же мѣстные, при чемъ иногда указывалось и на темное происхождение подозрѣваемыхъ. Такимъ образомъ, можно думать, что если „разбой“ и былъ первоначально пришлымъ элементомъ, то потомъ, мало-по-малу

обращаясь въ мѣстный, переходилъ, подъ конецъ, въ мирныя обычаедей, пристроившись или среди жителей другихъ деревень или основывая особые починки.

Съ другой стороны разбои, принимая форму грабежей на лѣсныхъ волокахъ и доходя до простыхъ кражъ по деревнямъ, становились все болѣе одиночными и превращались въ воровство отдѣльных недобрыхъ людей, стараніемъ самого населенія выведенное за послѣдніе годы почти окончательно. Иногда такого рода одиночные грабежи и смѣлая кража приписывались тоже бѣглецамъ, не переводившимся въ Кокшеньгѣ до самого послѣдняго времени и жившимъ часто одиночно въ лѣсныхъ избушкахъ и землянкахъ по всѣмъ почти волостямъ. Однако, вѣроятно все же, что бѣглецы эти часто служили только козлами отпущенія для другихъ, ибо, имѣя серьезныя причины укрываться, эти люди бывали, обыкновенно, самыми мирными и, можетъ быть, честнѣйшими людьми.

Среди такого сорта бѣглецовъ бывали и не вынесшіе тягости военной службы или помѣщичьяго ярма, и преслѣдуемые сектанты, и, быть можетъ, пострадавшіе „за политическія убѣжденія“. Такъ жившій въ Озеркахъ бѣглець изъ военной службы „Петрушка-Пантюшка“ писалъ списки, книги, сны Богородицы и, продавая, выручалъ себѣ на хлѣбъ или прямо мѣнялъ ихъ на пищевые продукты.

Тамъ же, въ лѣсу, по направленію къ Новоселамъ, жили старовѣры и питались приношеніями изъ деревень, дѣлали туйски и еще кое-какія вещи, и такимъ образомъ не много зарабатывали на покупку самаго необходимаго. Послѣ нихъ остались слѣды огорода съ 9-ю грядами.

Нѣкоторымъ изъ такихъ, уже пожившихъ порядочно долго, бѣглецовъ населеніе, слѣдовательно, само дѣлало добровольныя приношенія. Изъ бѣглыхъ сектантовъ-старовѣровъ многіе устраивались, между прочимъ, на окраинѣ Спаскаго прихода, около такъ называемой Тюребери (нѣсколько деревень), гдѣ и по сіе время среди населенія прочно держится старовѣрчество.

Преданія о „разбоѣ“ и бѣглецахъ, изложенныя въ нѣкоторой полнотѣ, приведу въ кругъ современной Кокшеньгской дѣйствительности, даюъ поволье рассказчику на нихъ и закончить цѣль Кокшеньгскихъ преданій; но очень часто, обыкновенно послѣ перерыва какъ бы означающаго, что дальнѣйшее не стоитъ въ непосредственной связи съ рассказаннымъ, или послѣ вашей просьбы рассказать что-нибудь изъ преданій еще, — онъ дополняетъ свое повѣствованіе „былью объ еретикахъ“, а иногда касается и общесторическихъ лицъ, преимущественно нѣкоторыхъ русскихъ государей, „френцюза“¹⁾ и пр.

М. Едемскій.

(Окончаніе с. слѣдуетъ).

¹⁾ Наполеона I.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ КОКШЕНЬСКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

(Окончаніе).

IV. Еретики.

Но смотри на то, что объ еретикахъ рассказывается, какъ о старинѣ, обыкновенно на ряду съ другими преданіями, предметъ этихъ рассказовъ, мнѣ кажется, можетъ быть отнесенъ и въ разрядъ народныхъ суевѣрій и, съ другой стороны, къ области легендарно-сказочной. Однако, при общераспространенности этихъ рассказовъ, такъ велика увѣренность мѣстнаго населенія въ реальномъ (когда-то) существованіи еретиковъ и такъ заманчиво-естественно это существованіе сливается съ бытовой обстановкой, что становится вполне понятнымъ, почему „еретики“ рассказываются на ряду съ преданіями о чудахъ, павахъ и проч.

Надобно при этомъ имѣть въ виду, что самое названіе „еретикъ“, заимствованное изъ исторіи церковныхъ ученій, по всей вѣроятности, еще въ первыя времена ознакомленія съ христіанствомъ, въ настоящее время утратило совершенно свой первоначальный смыслъ и получило новое значеніе, въ которомъ съ трудомъ только можно подмѣтить нѣкоторое отношеніе къ прежнему. Съ понятіемъ еретикъ въ представленіи мѣстнаго населенія связываются и понятіе о безбожничѣ (само собой), и о колдунѣ, и оборотнѣ, и особаго рода нечистой силѣ въ образѣ человѣка, съ раскаленными желѣзными зубами и пламенемъ во рту. Разъ съ еретиками связано колдовство и знахарство, которыя и до нынѣ по сѣверу являются въ народной жизни часто неизбежными реальными фактами, то рассказы о нихъ естественно идутъ въ формѣ преданій, иногда подъ названіемъ бывальщинъ, былей. Самое слово еретикъ—въ постоянномъ употребленіи у народа, на ряду съ словами татаринъ, чудь, и имѣетъ значеніе ругательства для характеристичнаго человѣка злого, тяжелого, мрачнаго и скрытнаго, съ недобримъ глазомъ. Ругательство часто выражаютъ въ формѣ: „У еретикъ—золѣзны зубы“, или: „еретикъ-татаринъ“.

Отъ М. Д. Третьякова я услышалъ объ еретикахъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній, сказанныхъ немного вскользь, какъ бы въ завершенье всего цикла его преданій:

„Еретики ходили по землѣ. Днемъ нигдѣ никого, а ночью лишь сонцѣ за лѣсъ сѣдетъ,—и пошли; какъ пѣтухъ споетъ, такъ онѣ и пропахи. Вотъ и окна преже въ избахъ были маленькія съ задвижками: боелись еретиковъ-то (тоже, что говорилось о панахъ!). Днемъ еретики были, какъ чурки, лежали.

Тетка Катерина рассказывала, що при ней еще играли дѣвки на трапезѣ у церкви, а покойника заставили разъ свитить огонь; покойникъ-отъ отталъ и упалъ—всѣ и побѣжали изъ церкви-то... Еще на моей памяти обѣдали на трапезѣ Офонасьевской церкви со всей волости.

...Вотъ, когда у церкви-то играли, дакъ еретикамъ-то было преступно...

Еретиковъ не принимали нѣтъ-сра земліа: народъ знаткой (т. е. вѣщій, колдуны). Подъ старой колокольной не давно найденъ былъ покойникъ въ землѣ: закованъ въ золѣзо, гробу нѣтъ, а онъ нетлѣнень.

Еретики не стали ходить,—когда Господь заклѣу (заключалъ)“.

По моей просьбѣ, крестьянинъ деревни Харитонихи, Спасской волости, Вл. М. Поповъ, записалъ мнѣ, преимущественно отъ своей матушки Екатерины Ивановны, чрезвычайно любознательной и памятливой старушки, здравствующей еще и понинѣ,— слѣдующіе рассказы о еретикахъ:

1.

„Досель была мода „играть“ на папертѣ. Нонь (нынѣ) и паперти-то, правда-шо, вы не знате: у старой Офонасьевской церкви была эдакая трапеза—большая, пребольшая; по всей проходные столы изъ долгихъ досокъ; вотъ на этихъ столахъ въ праздники и обѣдали. Въ трапезѣ сторожъ церковной спалъ. Тутъ и покойника къ ночамъ заносились.

Давно будто было, що на трапезы съѣзжались и сходились играть по ночамъ въ городки (водить хороводы)¹⁾—ну знамо дѣло,—о святахъ.

Сонились, говорятъ, одинъ разъ играть въ трапезу много дѣвокъ и молодежи (т. е. парней). А той ночи покойникъ начевалъ тутъ... Ну, молодежь покойника изъ гроба вытащили, поставили въ уголъ, а въ зубы лучину съ огнемъ воткнули—„свити“, говорятъ: „чѣмъ безъ дѣла лежать“. Говорятъ, по четыре покойника бывало, такъ и во всѣ углы по покойнику, да всѣ и свитать.

Вотъ это онѣ играютъ... А, извѣстное дѣло, нечистой силѣ преступно, какъ мало-мальски поднудить... Никто ничего въ городкѣ не зналъ; все, думатьъ, ладно: ходить да городки здувать. А у одной дѣвочки привезена была съ собой племянница, годовъ пяти-ли четырехъ-ли, маленькая. Эта маленькая дѣвушка посажена была въ

¹⁾ См. мою ст. „Вечерованье, городки и пѣсни“. Жив. Стар. 1906 г. вып. III и IV.

печь. Съ печи и видитъ она, що въ городкѣ не порядки: дивье играютъ, думаютъ,—шо молодцами, а дѣвкѣ съ печи открыто, Богомъ ужъ стало-быть, шо ходитъ въ городкахъ много съ золѣнными зубами да и въ ротѣхъ-то какъ огонь бы пышетъ. И запросилась съ печи дѣвушка: „Божата¹⁾, пойдемъ домой! божата, пойдемъ домой!“ Ну, и заревѣла... А нечистая-та сила не знаетъ ли, что у человека на умѣ? Дѣвицѣ-невѣстѣ²⁾ дѣлать было нечего—дѣвка реветъ, не унимается,—идти домой привелось. Вотъ закутала она шалью крестницу да и понесла домой, а еретники-те іе за сарафанъ и забрали. Она зревитъ да и успѣла за двери да и сарафана черезъ косякъ дверей вырвали. А тамъ и поднялось—ревъ, стонъ... Скрозь землю и трапеза прошла; только печной столбикъ остался. А па столбикѣ-то, вишь, варешки ребенокъ-отъ оставилъ,—такъ и остался столбъ одинъ съ варешками.

2.

Тогда много нечисти (печистой силы) велось, страсть и подумать; было много волшебства, всякихъ заговорщиковъ. Мужъ про жену не зналъ, а жена—про мужа (что не волшебникъ-ли)...

Вотъ эдакъ будто бы умираетъ одинъ мужъ да женѣ и наказываетъ: „смотри ты, жона, только я умру,—того же часу подрѣжь мнѣ подколѣнные жилы!“ Умеръ мужикъ... А бабѣ-то пожалѣлось подрѣзатъ подколѣнные жилы: дружно, стало быть, съ мужемъ жили. Ну вотъ, какъ рядъ дѣлу, покойника обмыли и „подъ святые“ положили. Дѣло было къ ночи. Семейства у вдовы и было, что три подростка—маль-мала меньше; а никого чужого не было, а ей все же думно было. Ночь долга, тоскливо будетъ: давай баба печь топить: топить печь и кляку калить, а самой и мужа жаль и покойника боится. Топить печь да кляку калить...

— „Мама, тата-та пошевелился!“

— Молчи, говорить, тибѣ такъ показалось.

А сама сидитъ у печи да кляку калить.

— „Мама! Тата-та садится!“

А покойникъ попробовалъ сѣсть; покрывало на полъ свалилось; и опять упалъ на подушку...

— Молчи, говорить мать, вто такъ показалось!

— „Мама! Тата-та (в)сталъ!..“

Соскочила баба, схватила робать, пехнула черезъ чилисникъ³⁾ на печь, выхватила изъ печи каленую кляку и сама къ робатамъ загляла.

Покойникъ всталъ и началъ осматривать, гдѣ жѣва. Вотъ розсмотрѣлъ онъ жену на печѣ и пошелъ тихонько къ печѣ, а подѣлитъ половици (доски пола) выгибаются, скрипятъ. Подошелъ онъ къ голбцу,—а на печь выгѣсти надо: зубами золѣнными щелкаетъ, къ голбцу грудью наваливается... Баба съ печи каленой клякой хлесь

¹⁾ Крестная мать.

²⁾ Такъ называютъ всякую взрослую дѣвицу.

³⁾ Лицевая сторона печки надъ устьемъ (топкой), покрытая полосой сажы отъ выходящаго черезъ то же устье (безъ трубы) дыма.

по зубамъ—только зубы сбрыкали. Онъ отступилъ и опять пацпраеть: съѣсть, вишь, надо; а вылѣзть не можетъ, потому руки крестомъ на груди сложены были, такъ и не можетъ отъ груди своей отнять. Онъ подойдетъ,—а она опять по зубамъ клюкой каленой. Знамо дѣло, Богу молилась. Запѣлъ пѣтухъ,—бросился еретикъ на старое мѣсто; но ужъ легъ ничью (ничкомъ). Такъ ничью и утромъ нашли, такъ и похоронили.

Этѣхъ волшебниковъ (такъ!) все ничью хоронятъ: куда лицомъ скоронись, туда подъ землей и пойдетъ: къверху лицомъ—наверхъ выйдетъ, а ничью—дакъ въ пренсподнюю прямо уходитъ.

3.

Досель, говорятъ, худо отъ еретиковъ было, сохрани Богъ, какъ худо. Давно это было... Послѣ того, какъ Христось по землѣ про-~~шелъ,—еретикамъ ходъ усѣкло, вся нечисть разбѣжалась; а то было~~ время: только солнцѣ за лѣсъ сѣло,—не оставайся одинъ на улицѣ: беда!.. да и въ избу ползуть. Изъ-за того у избъ все волоковыя окна были. Какъ солнце за лѣсъ—и оконце закрываютъ. Волоковыя окна еще и мы у старыхъ избъ помнимъ: такія маленькія были,—человѣку пролѣзти нельзя было.

Эдакъ одинъ разъ мужикъ не успѣлъ днемъ домой попасть. Идетъ по лѣсу, глядь—а изъ-за сосенъ еретикъ—отъ и выглядываетъ. Вотъ онъ скорѣе на сосну да къ самой верхинѣ... А еретикъ подъ сосну: не лѣзетъ, а ухватился да зубами подгрызаетъ—только зубы щелкаютъ, только щепки летятъ... Сидитъ мужичекъ на соснѣ, на самой верхинѣ, да молитвы читаетъ, всѣхъ святыхъ перебираетъ: а еретикъ грызетъ сосну—только щепы летятъ. Долго мужикъ сидѣлъ на соснѣ, долго плакалъ и молился, а еретикъ не уходилъ, все сосну подгрызалъ. Ужъ сосна закачалась—не толсто, стало быть, грызти оставалось... Запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то—и еретикъ убѣжалъ, и спрозъ землю прошолъ. А мужикъ ужъ утромъ слѣзъ съ сосны.

Вотъ какое тогда времечко было!

4.

Знающей досель народъ былъ!

Эдакъ, бывало, старухѣ-то ужъ худо,—смерть приходитъ... А старуха была денежная. Ну, семейство; сынъ былъ женовой. Знаетъ сразу: куда, думаетъ, денегъ бы не запропастила.

А деньги—у ней; большой кошель къ намышикѣ ¹⁾ привязанъ—серебро да золото. Видитъ старуха, що скоро умереть надо, и говоритъ сыну-ту сѣбѣму: „сынъ, подыми-ко меня, да подведи еще (разъ) къ вѣчкѣ; вишу, скоро смерть приходитъ... долго у печи не стиривала: посмотри хоть еще!“ Захватилъ сынъ старуху подъ мышия вртаццилъ къ вѣчѣ.—.Подержи эдакъ меня!“ Сынъ держитъ. Отвѣтила она кошель отъ намышки, высыпала деньги на шестокъ и давай зарывать въ пепель въ печурку. Чѣмъ ручки загребаетъ, тѣмъ

¹⁾ Лямка черезъ плечо, у сарафана

выгребайте", — эдакъ и приговариваетъ. Ну такъ и загребла всѣ деньги. — Ну, уведи меня топерь на кровати! Легла старуха и умерла. Ну тогда сынъ къ печѣ: надо деньгм ваять. Рмыся, рмыся — одинъ пещель, а денегъ нѣтъ... „Що не за оказіа!“ А парень-отъ былъ, знать, не промахъ: схватилъ мертвую-ту старуху, притащилъ къ печѣ да еѣ то руками и перерываеъ волю. „Чѣмъ ручки зегребали, говоритъ, — тѣ и выгребаетъ“. Такъ всѣ деньги и выгребъ.

5.

У одной дѣвушки былъ дружокъ. Ну, этотъ дружокъ-отъ да и умири... И пу она объ емъ тосковать, ну тосковать; ночи смднть подъ окномъ да на улицу смотреть. Долго ли мало ли эдакъ по-сокрушалась... — Сидитъ это подъ окномъ да на улицу смотреть, а глядь — онъ и ѣдетъ на лошадѣ да и на креслахъ, ¹⁾ а еѣ къ себѣ рукой на улицу манитъ. А было почью; всѣ спали. Она обрадовалась, выбѣжала къ ему на улицу. А онъ и говоритъ: „вотъ, милая ты моя, обо мнѣ сокрушаишьсе, а думаешь — я тебя и забылъ? а и тебя не забылъ, а по тебя прѣвхалъ; поѣдемъ со мной и будемъ жить вмѣстѣ! Пока топерь никто не увидаеъ, соберемъ все твоѣ именье да и поѣдемъ: у меня и кресла заготовлены“. Обрадовалась дивица и давай выноситьъ именье: портня, рубахи, шубу, сарафаны... А семья спитъ и никто не слышитъ.

Вотъ оклались онѣ и поѣхали по дорогѣ. ѣдутъ онѣ это полевъ и молчатъ. А мѣсяцъ свѣтитъ; а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишьсе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Вотъ доѣхали онѣ, — пошелъ лѣсъ. А мисецъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ...

— Милая моя, не боишьсе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

Опять ѣдутъ. Прошелъ лѣсъ; пошло поле, а тамъ дальше и новость... Мѣсяцъ свѣтитъ, а мертвецъ ѣдетъ.

— Милая моя, не боишьсе ли меня?

— Нѣтъ, не боюсь!

ѣдутъ онѣ и заѣхали на кладбище, гдѣ кресты могильные да сугробы снѣга. Лошадъ остановилась у полой (открытой) могилы. Онъ заскочилъ въ могилу; „подавай“, говоритъ: „имѣнье-то!..“ Она испугалась, схватила корзину съ рубашками да и подаетъ. А онъ только сглотилъ прямо въ ротъ! Она посмотритъ — а у ѣво зубы стальныя и глаза какъ каленыя угли... „Мечи“, говоритъ: „кручае!“ Стала она это метать коробушка по коробушкѣ... а онъ глотаеъ да еѣ торопитъ. Догадалась она. — начала читать молитвы; а имѣнья мало остается, скоро и самую еѣ сглотить... Вотъ и начала бросать по одной рубашкѣ, по одной заплаткѣ, щобы времени больше про-длилось. А онъ глотаеъ, а онъ глотаеъ да еѣ торопитъ.

Услышалъ Господь еѣ молитву: запѣлъ пѣтухъ гдѣ-то... Закрылась могила... Ни его, ни лошади не стало, только стоитъ она одна на бугорѣ ночью; а вѣтеръ снѣгъ переметаетъ.

¹⁾ Розвальни, низкія и широкія сани для возовъ.

Такого рода преданій-балладъ, не лишённыхъ оригинальной силы и красоты слога, имѣющихъ, по всей вѣроятности, чрезвычайно далекое происхожденіе, но и не расходящихся еще и съ мѣстной дѣйствительностью ни въ обстановкѣ ни въ другихъ аксессуарахъ, а также отбѣждающихъ всецѣло мировозрѣнію старшихъ слоевъ современнаго населенія Кокшениги, — можно было бы записать и значительно больше. Я помню, съ какимъ замираніемъ сердца выслушивали мы съ дѣтствѣ такіе рассказы! Рѣдная женщина не умѣла рассказывать ихъ, рѣдкій мужчина не зналъ какого-нибудь рассказа о еретикахъ.

Итакъ, сказанія эти уже вводятъ насъ въ область народныхъ суевѣрій, которыми вообще довольно богата фантазія мѣстнаго обывателя. При случаѣ я постараюсь познакомить интересующагося читателя съ тѣмъ матеріаломъ, какой найдется въ моемъ распоряженіи и изъ этой области.

Что же касается преданій объ общенсторическихъ лицахъ и событіяхъ, то въ слѣдующей главѣ, по недостаточности имѣющагося у меня этого рода матеріала, я полагаю, хотя бы только для ознакомленія съ характеромъ этихъ данныхъ, все же изложить и то немногое, чѣмъ и могу располагать, дабы придать нѣсколько больше полноты и законченности въ освѣщеніи намѣченнаго мною вопроса

V. Общенсторическія лица и событія.

Въ III главѣ я уже упомянулъ о томъ, что относимыя мною къ названной въ заглавіи настоящей главы категоріи преданія обыкновенно сообщаются, какъ не имѣющія близкой и непосредственной связи съ остальными кокенъскими преданіями, часть которыхъ напр., хотя бы о Литвѣ, казалось бы, тоже вполне могла быть отнесена къ этой же послѣдней категоріи. Это — какъ бы дополнительныя свѣдѣнія о прошломъ, имѣющія второстепенный мѣстный интересъ, а иногда являющіяся въ видѣ случайныхъ рассказовъ или указаній, пользующихся однако, общимъ, распространеніемъ.

О событіяхъ и лицахъ отдаленныхъ историческихъ эпохъ, понятно, не приходится ожидать здѣсь сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній; если и встрѣчаются какія-нибудь намеки и указанія, то они имѣютъ характеръ отголосковъ книжныхъ знаній и больше распространены среди людей грамотныхъ или бывалыхъ.

Напримѣръ, весьма часто можно встрѣтить упоминаніе объ Александрѣ Македонскомъ и рядомъ — о Гогѣ и Магогѣ, загнанныхъ въ горы. Слышали о Римѣ, о Царѣ-градѣ, Царѣ-Константинѣ.

Даже и ближайшія по мѣсту и времени событія исторіи чрезвычайно слабо отразились въ мѣстныхъ преданіяхъ и рассказахъ. Упомянется о татарщинѣ, о нашествіи французовъ.

Изъ русскихъ государей извѣстны имена Ивана Грознаго, Бориса Годунова, Петра Великаго. При этомъ о Грозномъ отзываются всегда съ большимъ уваженіемъ; съ этимъ именемъ сопряжено какъ будто бы понятіе о справедливости и безпристрастности. Борисъ Годуновъ, наоборотъ, пользуется дурной славой, какъ Государь, котораго похвалять не чѣмъ.

Что касается Петра Великаго, то о немъ существуютъ любопытныя преданія (не одно), имѣющія и мѣстный интересъ. Передается за несомнѣнный фактъ, что Петръ Великій проѣзжалъ по Кокшеньгѣ и былъ здѣсь во многихъ мѣстахъ. Въ „Описаніи Кокшеньги“. В. Т. Цоцова, отъ 1857 г., упоминается о томъ, что будто бы онъ завелъ въ Россіи всѣ заморскія хитрости.

О хитрости его самого не мало говорить и въ настоящее время. При этомъ почти всегда добавляютъ: „А какъ вотъ не хитеръ былъ, а лаптя-то все таки не могъ сплести: заплести-то заплелъ, а свершить-то и не могъ, носка не сумѣлъ заворотить... И теперь еще лапоть-отъ этотъ гдѣ-то тамъ въ Питерѣ во дворцѣ или въ музеѣ виситсе“. Въ деревнѣ Харитонихѣ, Спасской волости, разсказывается, что Петръ былъ здѣсь и любовался громаднымъ лѣсомъ у самаго поля этой деревни; что, будто, захоливъ онъ въ этотъ лѣсъ и потомъ заказалъ беречь его для кораблей. Лѣсъ этотъ носилъ потомъ названіе Царской рощи. Неизвѣстно, долго ли стояла эта роща, но въ такой близости къ деревнѣ сохраниться она не могла, въ виду потребности и въ лѣсѣ и въ землѣ. Но будто бы крестьяне, вѣроятно не желая нести отвѣтственности за сохранность рощи, вырубилъ ее, а остатки сожгли; землей однако этой имъ такъ и не удалось воспользоваться: окруженная со всѣхъ сторонъ ихъ полями, она такъ и не вошла въ крестьянскій падеѣль. Впослѣдствіи, не особенно давно, эта земля однимъ изъ управляющихъ удѣльными имѣніями была передана, какъ мелкая оброчная статья духовенству Спасской церкви.

Въ Залчерѣцкомъ приходѣ Петръ былъ будто бы въ церкви и за недостаточно пристойное поведеніе „заечериданъ“ въ церкви (да и вообще, повидимому, жители этого прихода хорошаго впечатлѣнія на Царя не произвели) онъ прозвалъ ихъ локасами. Эта кличка держится за ними и въ настоящее время въ формѣ „локасы“ и „локась“. Миѣ не удалось уловить достаточно опредѣленнаго значенія, передаваемого этими словами.

На Соденьгѣ (приходѣ), въ деревнѣ Глазановѣ, Царь поселилъ одного изъ своихъ слугъ, которому была дана особая земля. У насѣдниковъ этого слуги потомъ крестьяне откупили будто бы дарованную землю за 2.000 бѣлоковъ.

Сохранились у меня въ памяти смутные остатки уже очень давно слышаннаго здѣсь мною разсказа о томъ, что Царь Петръ, разсердившись разъ на какую-то рѣку, наказалъ ее ударомъ (плети?) и съ тѣхъ поръ остался „рубець“ поперекъ всей рѣки.

Передается о смерти Петра, что, будучи необыкновенно одареннымъ и сильнымъ, а въ то же время и слишкомъ самоувѣреннымъ, онъ разъ похвально, что на конѣ своемъ перескочить черезъ какую-то широкую рѣку, но что, какъ бы въ наказаніе за похвальбу, онъ тутъ на конѣ и окаменѣлъ въ то самое время, когда конь передними ногами отдѣлился уже для скачка отъ земли.

Какъ на сказаніе о „стѣжкѣ“ рѣки, такъ и объ окаменѣніи Петра, могли, разумѣется, повліять книжныя свѣдѣнія о Ксерксѣ Великомъ съ одной стороны, съ другой—о памятникѣ Петра Великаго въ Петербургѣ; о послѣднемъ и разсказы очевидцевъ.

1308451

Здѣсь невольно припоминается мнѣ очень распространенная въ Кокшенигѣ легенда о Ломоносовѣ, къ созданію которой подалъ поводъ, вѣроятно памятникъ Ломоносова въ Архангельскѣ. Этотъ памятникъ жители Кокшениги знаютъ отъ очевидцевъ. Ломоносовъ изображенъ съ лирою въ рукахъ и смотрящимъ какъ бы въ небо: разсказывается въ легендѣ, что Ломоносовъ былъ настолько знающій человекъ, что вотъ разъ, когда угрожала надвигавшаяся градовалтуча, онъ взялъ вилы и этими вилами тучу-то и отвелъ. Дѣйствительныя заслуги перваго русскаго ученаго въ области изученія электричества вообще и грозового въ частности въ этой легендѣ, мнѣ кажется, выражены довольно красиво и, пожалуй, удачно.

О нашествіи французовъ и атаманѣ Платовѣ имѣются, хотя и отрывочныя, но широко распространенныя смѣдвія и даже поется пѣсня: „О френцюзѣ и Атаманѣ Платовѣ“. Весьма распространенъ эпизодъ о томъ, что Френцюзъ (Наполеонъ) усердно разыскивалъ Платова и хотѣлъ его во что бы то ни стало поймать. А Платовъ, побывавши въ гостиницѣ у Наполеона, уходя называлъ себя и говорить ему: „эхъ, ты, ворона, ты ворона! Гдѣ тебѣ поймать меня!“ И исчезъ.

Изъ разсказовъ о болѣе позднихъ историческихъ событіяхъ упомяну о любопытной защитѣ Соловецкаго монастыря и Бѣлаго моря въ Крымскую войну отъ „агличанки“, которая сюда подступала на своихъ корабляхъ. „Когда агличанка стала палить по маластырю, то, видно по молитвѣ св. угодниковъ, Изосимы-Саватя, подделись со всѣхъ острововъ чайки (чайки) и начали на нихъ д. . . в (засыпать ихъ своимъ пометомъ). Не вынесла этого агличанка и повернула назадъ, домой“.

Въ ряду историческихъ именъ я намѣренно пропустилъ имя Шемяки, довольно часто упоминаемое здѣсь, но, повидимому, безъ всякой непосредственной связи съ галицкимъ княземъ. Шемяка фигурируетъ въ одномъ разсказѣ, только, какъ неправедный судья.

Этотъ распространенный, вѣроятно, всюду разсказъ въ мѣстной передачѣ имѣетъ такую примѣрно, форму (привожу въ передачѣ Вл. М. Попова): „Это былъ такой смѣшной (и жадный) судья: все взятки надо: Ну и судились двое. Одинъ-то уже далъ, а другому дать нечего—бѣдень. Ну тотъ (т. е. бѣднякъ) и догадался: взялъ въ руку камень, зажалъ въ горсть да и говорить: „судья, суди, да на меня гляди!“ Шемяка и разсудилъ по послѣднему. Вышелъ (потомъ) изъ-за стола, отозвалъ мужика и попросилъ, что въ горсть-то (тотъ) зажалъ. А тотъ и показалъ камень“...

На этомъ я и долженъ пока закончить кокшенигскія преданія.

М. Едемскій.